

Под каким углом нужно рассматривать русские победы и борьбу против нацизма

Григорий Петрович Максимов

1943

Мы радуемся русским победам с такой же силой, с какой страдали, болели от непрерывных русских поражений, ввергнувших нашу страну в ужас разрушений и голода и поставивших ее население в условия пещерного быта.

Мы радуемся этим победам не менее патентованных и квасных патриотов, которые прошлое тащат в настоящее и проектируют в будущее. Прошлое в настоящем есть реакция, прошлое в будущем - мракобесие. Мы связаны с прошлым, вырастаем из него, но наш рост есть отрицание прошлого, движение вперед, а не покой. Радость этих патриотов не наша радость. Мы радуемся русским победам не потому, что мы русские патриоты, а потому, что мы -- патриоты русской и мировой свободы, равенства, благополучия и человечности, чего, увы, нет в прошлом русских трудящихся масс. Наш патриотизм - разрыв с прошлым. Мы радуемся победам, следовательно, и не потому, что нам дороги традиции Невских-Суворовых-Кутузовых, восстанавливаемые сейчас в России, - подлые, рабовладельческие традиции, - мы охотно выбросим их в мусорный ящик истории, где они по праву и должны находиться, а потому, что каждая победа приближает конец ужасам войны и уменьшает шансы торжества нацистского варварства в России и во всем мире.

Не скроем, было бы неразумно это скрывать, что мы, русские, воспитывались и выросли среди народов русских, вместе с ними делили радость и горе и, следовательно, вполне естественно, что мы чувствуем и переживаем радости и горести русские гораздо живее и острее, чем другие. Но мы никогда не отрываем их от мировой радости и от мировой скорби всех трудящихся масс. Мы никогда не забываем, что русское благополучие и русская свобода могут быть обеспечены только мировой свободой и мировым благополучием.

Как бы хорошо ни был вооружен передовой отряд, он погибнет, если армия вооружена плохо. Россия же, как и каждая другая страна в отдельности, есть лишь только малый отряд великой армии, имя которой - Человечество.

Наш наблюдательный пункт - не национальная колокольня, а интернациональный Гауризанкар. С этой высоты мы и рассматриваем события современной войны, которую, несмотря на то, что принимаем в ней участие, продолжаем считать уголовным преступлением господствующих классов обеих воюющих сторон, одинаково подлежащих не только суду истории, но в первую очередь суду живых людей, суду современников.

Немецкий национальный социализм, даже очищенный от расизма, - в таком виде он имел бы еще больше сторонников, - есть ужасная реакция, которая стремится к установлению государственного рабства. Эта реакция самая подлая, самая зловредная и самая опасная, потому что она, заряженная идеей мирового господства "избранного народа", самая динамическая, самая агрессивная. Она не удовлетворяется порабощением народных масс одной Германии, она стремится выйти из локальных границ, стремится охватить весь мир, поработить его физически и охолопить духовно силой, войной, разрушением, голодом, зверством, перед которым бледнеют все подлости исторического прошлого, включая католицизм. Победа этой реакции означает конец всякой свободы, кроме свободы порабощения и надругательства над рабочими массами, над "низшими расами"; победа этой реакции означает приостановку прогресса на сотни лет, понижение культуры, до которой мы дошли с таким трудом и с такими тяжелыми жертвами, до уровня церковной культуры эпохи безраздельного господства католицизма; победа наци-фашизма означает превращение человечества в стадо, а мир - в скотный двор, на котором будут хозяйничать специалисты прикладного животноводства.

Победа христианства, которое уселось на развалинах прекраснейшей греческой культуры, как тяжеловесная баба на возу, на 1500 лет приостановила прогресс и повергла огромную часть человечества в бездонные глубины мрака и невежества, от которых мы не свободны и теперь. Это господство воспитывало сознательных рабов, гордившихся своим рабством, охолопило людей, вытравило все представления о демократии и свободе. Это же самое несет для мира и победа гитлеровского мессианистского национального социализма. Борьба с нацизмом и победа над ним есть, следовательно, проблема универсальная, всеобщая, а не частная; интернациональная, мировая, а не национальная, не одной страны или группы стран, а всех стран в целом. Вот почему всякая победа над вооруженными силами воинствующего нацизма и его союзников, кем бы и на какой бы географической точке она ни была одержана, нас радует, победы же в России, где центр борьбы, нас радуют вдвойне: и как русских, несмотря на то, что мы ненавидим существующий рабский режим, и как интернационалистов.

Когда Польша была раздавлена Гитлером, и ризы ее были по л ю б о в н о поделены "с п а я н н ы м и к р о в ь ю" побратимами, мы печалились; греки били итальянцев, а югославы дрались, как львы, мы радовались; когда русские несли, благодаря режиму диктатуры и рабства, поражение за поражением, мы нервничали и были мрачны; радуемся, когда поражения сменяются в России победами, и хотим, чтобы эти победы шли непрерывной чередой до полного уничтожения зловреднейшего врага.

Само собой понятно, мы радовались и печалились не потому, что хотели или хотим сохранения фашистских режимов Польши, Греции, Югославии или кровавого Русского национал-коммунистического режима государственного рабства; наоборот,

мы хотим их полного уничтожения, но в данном случае, в данный исторический момент мы хотим, чтобы они побеждали, потому что эти реакционные режимы локальные, местные, на мировое господство не могущие претендовать; только русский режим, влияние которого несколько гальванизировано войной, представляет собой претендента на мировое господство, которое, однако, исключено, благодаря проделанной большевизмом эволюции, отбросившей от него мировые рабочие массы; следовательно, и русская реакция в силу реальных условий стала локальной, местной, которая исчезнет с исчезновением наци-фашизма. Нацизм же не только претендует на мировое господство, но он уже с оружием в руках прокладывает к нему путь. Следовательно, всякий человек и всякий режим, как бы реакционен он ни был, который преграждает ему путь и выбивает из его рук оружие, оставаясь реакционным, совершает помимо своей воли прогрессивный акт, играет на руку прогрессу, а мы за п р о г р е с с, поэтому, ненавидя этот режим, мы радуемся его победам над универсальной реакцией; кроме того, мы верим (это звучит несколько религиозно, но что поделаешь), что эти победы после военного разгрома нацизма обратятся в поражение всех локальных реакционных режимов.

О, конечно, мы никогда не обольщались и не обольщаем себя надеждой и сейчас, что вслед за военным разгромом нацизма немедленно и автоматически, как Венера из пены, родится прекрасная С в о б о д а.

Мы знали и знаем, какие социальные элементы руководят войной и что они от нее хотят. Африканские мистерии (Дарлан-Жиро-Пейрутон) нас не поразили своей неожиданностью, и мы не будем поражены, когда узнаем, что в Африке выращен французский Франко¹*. С самого начала войны мы знали, что в так называемых демократических странах реакционные элементы очень сильны, и что они будут делать все возможное, чтобы не только предотвратить или подавить стихийные движения народных масс, которые на их языке называются хаосом, и закрепить режим капиталистической эксплуатации, но, пользуясь военным замешательством, ослабленной силой и вниманием рабочего класса, и урезать политические и экономические завоевания трудящихся масс во всем мире. Они делают это организованно и планомерно; спасая себя такими мерами, они революционизируют ситуацию и

¹ Жан Луи Дарлан с 1940 г. был заместителем главы французского коллаборационистского ("вишистского") правительства Петэна и главнокомандующим французской армии. В ноябре 1942 г., находясь в Алжире, пытался организовать сопротивление десанту американских и британских войск, но был вынужден отдать войскам приказ о прекращении сопротивления ввиду нежелания солдат воевать против стран антигитлеровской коалиции. После этого Дарлан был назначен главой французской администрации в Северной Африке, которая по планам американского руководства должна была стать ядром будущего правительства Франции; в качестве главы администрации Дарлан был признан одновременно США и Петэном. Внутренняя политика Дарлана характеризуется прежде всего тем, что он, как и до высадки союзников, продолжал исполнять распоряжения вишистского правительства, более того, - в тюрьмах Северной Африки продолжали оставаться не только коммунисты, но и сторонники официально признанного союзниками главы "Свободной Франции" де Голля! Позиция США объяснялась, прежде всего, тем, что Дарлан заключил с ними соглашение, предоставлявшее Америке практически неограниченные права в Северной Африке. После убийства Дарлана французским офицером-террористом (24 декабря 1942 г.) его преемником стал генерал Анри Ороне Жиро, продолжавший прежнюю политику. Под давлением США де Голль в январе 1943 г. согласился включить Жиро в состав Комитета национального спасения. Лишь в июне 1943 г. укрепивший свои позиции де Голль исключил Жиро и его сторонников из КНО.

подготавливают то, чего боятся как огня. Может быть, они временно и преуспеют, но главный враг данного момента все-таки будет уничтожен, а это уже много.

Мы прекрасно знали о наличии могущественных реакционных сил в недрах "демократической антинацистской коалиции", тем не менее, мы думали и продолжаем думать, что устранение нацистской опасности было, есть и должно быть первым делом пролетариата. Но это, конечно, отнюдь не значит, что пролетариат должен побрататься с этими силами, приостановить борьбу против них и улаживать себя сладким пением буржуазных соловьев о свободе и наступающей эре "простого человека". Борьба не прекращается, изменяется лишь форма ее и ослабляется несколько, в соответствии с реальными условиями момента, ее напряженность.

Если бы пролетариат был организован, силен и свободен от политических предрассудков буржуазии и марксизма, то первым его делом было бы одновременное уничтожение Гитлера и его "демократических" творцов, и установление свободного и равноправного общества. Но пролетариат сейчас разбит, разрознен, в плену у развращающих и отупляющих его сознание иллюзий и предрассудков и, следовательно, на такое двойное дело в данный исторический момент не способен.

История, соавтором которой он является, и нужно сказать, далеко не последним, не дает ему богатого выбора путей. Она вынуждает его, чтобы избавиться от полного рабства, идти сейчас по одной дороге и против одного врага, а не против всех сразу. Против одного врага из трех: нацизм, большевизм, капитализм. Против того из них, который в данный исторический момент является прямой и непосредственной опасностью. Этим врагом, несомненно, является нацизм. Определенно он. Значит, стреляй в ближайшую бешеную собаку, тогда успеешь пристрелить и отдаленную.

Это, конечно, как мы сказали, не значит, что рабочий класс должен подружиться с двумя остальными врагами "дружбой, спаянной кровью". Наоборот, нужно постоянно держать на них глаз и ослаблять их силу постольку, поскольку это не вредит победе над нацизмом.

Бить в р а г о в по одиночке - заповедь данного исторического момента. В первую голову идет наци-фашизм, во вторую остальные, - во время и в порядке, которые продиктуются реальными историческими условиями и возможностями.

С этой точки зрения мы и рассматриваем военные успехи на русском театре войны, как и на других; с этой точки зрения мы и расцениваем значение русских и других побед. Значение русских побед огромно, они приближают в значительной степени момент окончательного и полного поражения первого и самого опасного врага трудящихся масс всего мира - наци-фашизма, и начальный момент борьбы за равноправный и свободный мир с остальными.

Будет мир свободен, и Россия будет свободна. Ей свобода нужна, как воздух, как хлеб. Без нее она, народная, сермяжная, плохо пахнущая Россия, погибнет, сгниет на корню, до смерти заест ее натуральная и социальная вошь.

Сейчас русские города и села лежат в развалинах. Русская почва насыщена кровью и усеяна трупами врагов и ее сыновей и дочерей... Первая, но не последняя, небывалая сталинградская бойня отошла в область истории. Мы нервно толкаем непослушное, ленивое время, и нетерпеливо ждем, когда и великое разорение земли русской, и избиение ее народов отойдут в прошлое и потонут в реке облегченного вздоха и

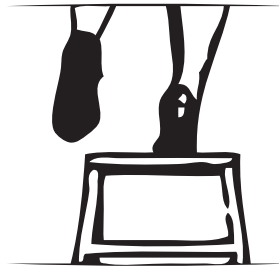
забвения. Страна и люди, которых тысячу лет ели баре и доедали вши, хочет солнца, только кусочек солнышка и немножко тепла...

Мы хотим думать, что русские победы символизируют солнцеворот, поворот к природной весне и, может быть, к социальной тоже... Переход к весне - дело величественное и сложное в русской природе, и еще сложнее сейчас в русском обществе. В русской природе, как и в русском обществе, все идет с потугами, с надрывом, а потом разливается... И как разливается!

За тридцать лет тяжчайших невзгод, плохо пахнувшая, но все творящая и всех кормящая Россия сильно ослабела, осунулась и подалась. Хватит ли у нее силушки, после происходящего ужасного кровопускания, побряхтев, вздыбить горы льда и разлиться широко-широко?

Россия должна собрать остаток своих сил, должна выйти из берегов и разлиться. Не разольется - заест ее социальная вошь... Непременно заест.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Григорий Петрович Максимов
Под каким углом нужно рассматривать русские победы и борьбу против нацизма
1943

Скопировано 23 декабря 2014 года с socialist.memo.ru/firstpub/y05/maksimov.htm
Дело труда - пробуждение. № 9. 1943. С. 5-7.

ru.theanarchistlibrary.org